

ЛАГЕРНЫЙ БЫТ И БЫТИЕ В ПЬЕСЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РЕСПУБЛИКА ТРУДА»

В статье дается краткий обзор драматургического наследия А.И. Солженицына («Пир победителей», «Пленники», «Республика труда», «Знают истину танки», «Свет, который в тебе», «Гуineaдец»). Основное внимание уделяется социально-философской проблематике, идейно-художественным особенностям, архитектонике, системе образов персонажей пьесы «Республика труда» и особенностям построения ремарок, что позволяет сформировать более целостное представление о важнейших тенденциях в творчестве писателя. Особое место отведено анализу изображения в драме внутреннего мира человека, перманентно находящегося в состоянии порокового бытия.

драматургия, пьеса, драма, комедия, трагедия, персонаж, герой, художественный образ, ремарка, действие, сюжет, конфликт, реплика, сцена, мотив, монолог, диалог, мизансцена, быт, бытие, пейзаж, интерьер, портрет, лагерь, зона, заключенный, страх, насилие, работа, абсурд.

Большинству читателей А.И. Солженицын известен, прежде всего, как прозаик, автор «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёниного двора», «В круге первом», «Архипелага ГУЛАГ», «Красного колеса», «Ракового корпуса», а также иных, не менее известных произведений. К этой части его творческого наследия неоднократно обращались в своих работах такие исследователи, как Б.М. Сарнов, В.Г. Бондаренко, А.В. Урманов, Л.Е. Герасимов, В.С. Бушин, В.А. Чалмаев¹ и многие другие. Однако писатель оставил свой след и в драматургии и его перу принадлежит целый ряд пьес, созданных в разное время и в разных обстоятельствах.

Первой в 1951 году в Экибастузском лагере, где А.И. Солженицын оказался на общих работах в качестве каменщика, была написана комедия «Пир победителей». Произведение хранилось в памяти автора, поскольку держать при себе какие-либо записи означало идти на неоправданный риск, причем некоторые отрывки сначала записывались, а после правки и заучивания наизусть уничтожались, иные же куски были перенесены на бумагу только в 1953 году в Кок-Тереке, куда А.И. Солженицына отправили отбывать ссылку².

Второй стала трагедия «Пленники», изначально называвшаяся «Декабристы без декабря». Создавалась она, как и первая, частично в уме, частично на клочках

¹ Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М. : Эксмо, 2012. 848 с. ; Бондаренко В.Г. Александр Солженицын как русское явление. М., 2003. 112 с. ; Урманов А.В. Солженицын : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2003. 384 с. ; Герасимова Л.Е. Этюды о Солженицыне. Саратов : Новый ветер, 2007, 130 с. ; Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. 560 с. ; Чалмаев В.А. Александр Солженицын: жизнь и творчество. М. : Просвещение, 1994. 287 с.

² URL : <http://Solzhenitsyn.ru>

бумаги, а после сжигалась. А.И. Солженицын приступил к ней в 1952 году в том же лагере, но уже не на общих работах, а в литейке, и целиком записал в 1953 году в Кок-Тереке ³.

В ссылке, весной 1954 года, написана была и драма «Республика труда», впоследствии (в 1962 году) отредактированная автором для постановки в московском театре «Современник» и получившая название «Олень и шалашовка». Однако пьесе не суждено было увидеть света ramпы по цензурным соображениям, хотя первые шаги в этом направлении были сделаны, даже роли распределены между актерами ⁴.

Все эти произведения, несмотря на всю их разноплановость, виделись А.И. Солженицыну внутренне связанными друг с другом, поэтому они формально были объединены в драматическую трилогию под общим названием «1945 год».

Осенью 1959 года в Рязани писатель обратился к жанру киносценария. В результате этого творческого эксперимента появился сценарий «Знают истину танки». Автор совсем не был уверен в том, что по нему вообще когда-либо будет сниматься фильм, поэтому в произведении пояснения к видеоряду отличаются предельной скрупулезностью, чтобы читатель мог детально представить предполагаемое на экране ⁵.

В 1960 году также в Рязани А.И. Солженицыным была создана пьеса «Свет, который в тебе» (второе название – «Свеча на ветру») ⁶. В 1968 году отчасти на основе рязанских впечатлений написан киносценарий «Тунеядец». Его постановка предполагалась на «Мосфильме», но до съемок дело так и не дошло ⁷.

Все драматические произведения А.И. Солженицына в той или иной степени посвящены одному – разоблачению системы тоталитаризма в нашей стране. Об этом достаточно подробно высказался В.П. Муромский ⁸. Однако с точки зрения органичности и богатства сценического потенциала из всех пьес особенно выделяется «Республика труда», в которой автором была найдена наиболее острая и точная форма обобщения и передачи лагерного опыта.

Уже первые страницы этого произведения (еще до начала самого действия) погружают нас в реалии лагеря. В списке действующих лиц не просто перечислены те, кого предстоит увидеть на сцене, но определена их функция в зоне. Все они разделены на три группы.

Первую, самую большую, составляют заключенные; вторая состоит из вольнонаемных, начальствующих над первыми в производственной части зоны; третья, обозначенная как «охрана», властвует над зэками на всей территории зоны. Причем если вторая и третья группы выглядят хотя бы относительно монолитными в силу своего начальственного положения, то первая не только куда

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ URL : <http://Solzhenitsyn.ru>

⁷ Там же.

⁸ Муромский В.П. О драматургии А.И. Солженицына // Вестник Волгоградского университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. 2006. № 5.

более многочисленна, но и явно неоднородна. В ней можно выделить следующие подгруппы: простые работяги, «придурки» (заключенные, не занимающиеся физически тяжелым трудом) и «блатные» (уголовники, живущие по «воровскому закону»). То есть уже в списке действующих лиц наблюдается определенная иерархия лагеря, которая в процессе действия пьесы будет уточняться и приобретать некоторую тонкую детализацию.

Далее (в варианте пьесы под названием «Олень и шалашовка») А.И. Солженицын приводит «краткий словарь лагерного языка», видевшийся ему как приложение к театральной программке, в нем уточняется смысл некоторых жаргонных слов и выражений, отражающих жизнь лагеря. Например, слово «кондей» обозначает карцер, а слово «фитиль» – состояние предельно ослабевшего человека; выражение «на цырлах» подразумевает не столько движение человека, идущего на цыпочках, сколько его стремление услужить кому-то с максимальным усердием. Автор пьесы расшифровывает и специфические аббревиатуры, такие как УРЧ (учетно-распределительная часть) или ШИзо (штрафной изолятор). Есть в этом словаре эмоционально окрашенные слова, отражающие отношение каторжан к чему-либо: «горбить» – бессмысленно растрачивать силы на работе, «сосаловка» – лагерь, в котором заключенные обречены на голодное существование. Имеются здесь даже слова, окрашенные черным юмором, например, аббревиатура «ЧТЗ», в обычной жизни расшифровывающаяся как Челябинский тракторный завод, а в жизни заключенных обозначает самодельную, сшитую из автомобильной резины грубую обувь, которая после каждого шага оставляет вид автомобильного следа.

Конечно, в этом приложении к программке есть далеко не все слова и выражения лагерного жаргона, встречающиеся в пьесе. Нет там, например, слова «доходяга» или слова «баланда», нет и выражения «клепать срок». Но ведь очевидно, что это не от невнимательности или небрежности автора. Предлагая такой короткий словарь, он явно не ставил перед собой собственно лингвистическую задачу, главная цель – еще до начала самого действия – приобщить читателя-зрителя к быту и атмосфере мест не столь отдаленных.

Приметы повседневного существования человека в лагере буквально переполняют художественную ткань драмы «Республика труда». Особенно насыщены ими ремарки, то предельно детально рисующие пейзаж, интерьер, портрет, то комментирующие действие, то изображающие общую атмосферу, то указывающие на настроение, душевное состояние отдельно взятого персонажа.

Одним из самых ярких примеров такого рода может служить ремарка, предваряющая первый акт. В ней автору удалось совместить практически все варианты, кроме ремарки, в которой дается интерьер, и нарисовать относительно лаконичное, но поистине эпическое по своему размаху полотно. В ее пейзажной части раскинулась лагерная ойкумена:

«Утро. Скоро взойдет солнце. На крышах бараков белеет иней осеннего заморозка.

Часть зоны лагеря. В глубине колючая изгородь с предзонником. В ней – двойные ворота: высокие в заборе зоны, низенькие в заборе предзонника. Пра-

вее ворот – тесовая будка вахты. Еще глубже, за изгородью – рабочая зона, там – высокое строящееся кирпичное здание, кран, кое-где леса. Видна дымящаяся литейка и другие подсобные постройки»⁹.

Далее следует коллективный портрет в движении, совмещенный с психологической характеристикой, отражающей как общую атмосферу неволи, так и душевное состояние отдельных персонажей: «Слева, наискосок к вахте, ведет линейка развода, густо заполненная заключенными, мужчинами и женщинами, в грязных изорванных телогрейках и ватных брюках, у некоторых женщин поверх брюк – юбка. У самых ворот развод походит на строй, – там вахтер и нарядчик Костя, румяный, похожий на боксера, пропускает пятерки, хлопая счетными дощечками крайних по спицам. Дальше от ворот строя нет, беспорядок, разговоры. Общая вялость, понурость, только Чегенев в шутку возится с Димкой. Один увязывает обувь, другой доминает утреннюю пайку хлеба, третий зябнет, жмется.

В самом хвосте выделяется несколько почище одетых производственных придурков, среди них «шикарно» одетая машинистка Зина и низенький толстый нормировщик Дорофеев. У ворот сидит на табуретке гармонист и лениво, не все время, наигрывает марш из «Веселых ребят». Обок развода стоит в белом халате черный фельдшер Ага-Мирза, у ног его сидит на земле 1-й доходяга.

Столб, на проволоке – рельс. Около стоят низенький надзиратель Колодей и высокий Нержин в долгой, еще новой офицерской шинели без знаков различия и в сапогах. Оба следят за разводом» [С. 255–256].

Завершается же эта ремарка пейзажной зарисовкой явно философско-сатирического характера: «Слева близко выступает угол стандартного лагерного барака, тут маленькая дверь с парой ступенек в нашу сторону. Еще ближе тщательно окрашенный дощаный ящик с крышкой и надписью: «Для отбросов».

На стенах бараков и на отдельных щитах в разных местах зоны – плакаты: «Труд облагораживает человека», «Труд из заторного бремени, каким он был при капитализме, стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» / Сталин /, «Кто не работает, тот не ест!»

Видно, как бригады в рабочей зоне тотчас разбредаются и к концу картины начинают работать» [С. 256]. В этой части текста совершенно очевидна двусмысленность лозунгов, написанных на плакатах, ведь они воспринимаются теми, к кому обращены, не иначе как издевательство, в лучшем случае как жестокая насмешка. А надпись на ящике оказывается вовсе не столько для того, чтобы не путали и именно туда бросали нечто непригодное в пищу, сколько для выявления отношения к человеку со стороны начальства и для определения степени его падения: «...слева к ящику с отбросами прокрадывается 2-й доходяга. Он – в шинельном бушлате, перепоясанном веревкой, под которую на спине подпущен дужкой немецкий солдатский котелок без крышки. Доходяга открывает ящик, роется там, выбирает пищу и складывает в котелок» [С. 258].

⁹ Солженицын А.И. Республика труда // Пьесы. М. : Новый мир, 1990. С. 255. (Далее ссылки на данное издание даются в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.)

Максимального погружения в быт человека за колючей проволокой пьеса достигает на диалогическом уровне. Именно в разговорах персонажей раскрывается и система повседневной жизни зоны, и суть лагерного бытия.

Оказывается, что начальство волнуют только цифры, проценты и совершенно неважно, как они будут достигнуты, главное, чтобы только не прогневить вышестоящих: «Пункт тридцать четвертый: «Предупредить товарища Овчухова, что, если он не добьется крутого подъема производительности труда, он будет переведен в дальние северные лагеря». В ссылку значит. На Колыму куда-нибудь. Ой, мама, вот жмут! Вот жмут» [С. 292]. Начальник лагпункта лейтенант Овчухов не стесняясь говорит наивному «олению» Нержину: «Мало. Ма-ло! Надо на пятьдесят восемь!.. Нет, на пятьдесят восемь не надо... на шестьдесят! Я тебя научу... Заключенный – он падло ленивое... А ты его, гада, – по зубам! По шее!» [С. 296]. Собственное материальное благополучие начальниками тоже не забывается и строится исключительно на притеснении и даже открытом грабеже заключенных. Овчухов прямо требует этого от Нержина: «Теперь – от нового этапа хороших вещей набрал?» [С. 296].

Закоренелые преступники, именуемые «ворами в законе», чувствуют себя в зоне вполне вольготно, потому что считаются «социально близкими», то есть менее опасными и в политическом смысле более благонадежными, чем осужденные по пятьдесят восьмой статье. С молчаливого согласия начальства воры в зоне не работают принципиально: «Сам знаешь, начальничек, по субботам мы не ходим на работу, а у нас суббота – каждый день» [С. 262]. Живут же они ни в чем особенно не нуждаясь: «А баланду нашу можешь работягам отдавать, нам с кухни носят...» [С. 317].

На особом положении и лагерные придурки – ээки, сумевшие устроиться на должности, не требующие физического труда (административные, канцелярские, в сфере обслуживания). К ним относятся банщики, хлеборезы, бухгалтеры, повара, фельдшеры, врачи, нормировщики, каптеры, бригадиры. Главный герой, Глеб Нержин, в самом начале действия пьесы является представителем именно этой категории заключенных, он исполняет обязанности завпроизводством, однако совсем недолго, потому что для этого важно не столько наличие образования, деловая хватка и опыт руководства людьми, сколько властолюбие, умение плести интриги, цинизм, подлость, стремление угодить начальству, жажда выжить любой ценой.

Большинство придурков очень хорошо усвоили главный принцип лагерного бытия, исповедуемый блатными: «Умри ты сегодня, а я завтра!» [С. 318]. И неслучайно, что многие придурки – из бывших блатарей, стали согласно лагерной «терминологии» «суками», согласились на сотрудничество с администрацией, то есть изменили «воровскому закону».

В этом мире за колючей проволокой нет места состраданию, совести и чести, здесь нет ничего запретного с точки зрения человеческой морали. Например, инженер Кукоч, осужденный за воровство из государственного «кармана» («закон семь восьмых» [С. 261]), еще менее, чем на свободе, чувствует себя ограниченным какими-либо нравственными нормами: «Четыре года я в лагерях сижу – дня на общих не работал и не буду! По трупам пойду, но устро-

юсь... Здесь – ГУЛАГ, незримая страна, которой нет в географиях, психологиях и историях, та знаменитая страна, в которой девяносто девять плачут – один смеется!! Я предпочитаю – смеяться!» [С. 277–278]. Именно этот персонаж и займет место Нержина, которого за честность возненавидели блатные и большинство придурков, организовавших против него заговор.

Отношения между самими придурками основываются, с одной стороны, на взаимной выгоде, с другой – на стремлении упрочить свое собственное положение за счет другого. Нарядчик Костя прямо говорит об этом Нержину, изображая руками клубок змей: «Тут придурки – кубло, во кубло... И я тоже из этого кубла, учти. Только мы с Рубеном-кладовщиком бабы не поделили. Так или я его на лесоповал, или он меня на лесоповал. Поэтому я с тобой могу... Сейчас нам – что?.. Кухня: старший повар – мой человек, порядок. Раз. Хлебореца своего поставить – два. Вещкаптера своего – три...» [С. 291].

Перед лагерным начальством придурки всячески заискивают и выслуживаются, особенно ярко это А.И. Солженицын показывает в сцене разговора лейтенанта Овчухова со старшим бухгалтером Соломоном и поваром. Начальник, все прекрасно понимая, притворно удивляется преподнесенной ему по случаю очередного утреннего похмелья водке и изысканным закускам (антрекоту и рисовым котлеткам под соусом «плюм»). Казалось бы, заключенные должны люто ненавидеть своих мучителей-тюремщиков и при всяком удобном случае мстить им, но в этом «заключенном» мире все относительно.

Пьяница и разгильдяй Овчухов потерял табельное оружие, а заключенный, врач зоны Мерещун, не только нашел и сохранил пистолет, но и вернул его Овчугову, которого согласно закону надо бы судить. При этом зэк ничего лично для себя вроде бы не просит в награду, а под предлогом заботы о благе лагеря и его начальника делает все для замены заведующего производством Нержина на Кукоча, ведь он тоже участник заговора. Тут же, как по волшебству, в руках Соломона появляется книга приказов и участь главного героя решена. Лейтенанту же только и остается что демагогическими фразами придать внешне приличный вид своему сговору с подручными-придурками: «Золотые люди меня окружают! Вот что значит – я умею людей подбирать. Как правильно товарищ Сталин сказал: «Кадры решают все»; «Люди – самый ценный капитал» [С. 300].

В этой среде обыденным оказывается и такое отвратительное явление, как доносительство. Донос используется как способ выслужиться перед начальством и как средство мести. В картине второй первого действия из диалога Чегенева и Гая следует, что их товарищ, молодой поэт, находится в штрафном изоляторе, ему грозит новый срок, а попал он туда из-за фельдшера Ага-Мирзы, который «в больнице из-под подушки что-то у него вытащил – куму отнес» [С. 269]. Кто-то постоянно доносит на литейщиков старшему прорабу Гурвичу. В финальной сцене отправляемая на этап Граня кричит Гаю: «Кукоча берегись! Он – стукач!! Точно!» [С. 344].

Чем же «расплачивается» начальство со «стукачами» за предательство? Конечно, не только освобождением от тяжелого физического труда, но и иными «льготами»: усиленным пайком, сносной одеждой и обувью, относительной

свободой передвижения в пределах лагеря, возможностью наживаться за счет простых заключенных и иметь власть над ними. Некоторым позволено даже жить отдельно от всех и иметь неофициальную жену, выбранную из женщин-заключенных, которую запросто можно заменить на другую, если не угодила или надоела. Отдельным, особо приближенным, живется в зоне комфортнее и сытнее, чем многим на воле. Например, о Мерещуне сам начальник говорит: «Да ничего тебе не надо. Ты же живешь лучше, чем на воле. На воле сейчас, я тебе скажу, голод. Не для всех, конечно. А ты на жратву не смотришь, баб у тебя хватает, спирта сам я у тебя беру» [С. 298].

Если «устроившиеся» придурки в основном борются между собой, то простому работяге часто приходится в полной мере сталкиваться с непреодолимыми обстоятельствами лагерной жизни, с ее всепоглощающим абсурдом, напоминающим «Миф о Сизифе» Альбера Камю, ибо его повседневное существование сродни бессмысленным усилиям Сизифа, катящего в гору камень. Причем начинается эта «титаническая» борьба с первых же минут пребывания лагерника в зоне, где его изначально не воспринимают как человека.

Когда в лагерь, изображаемый в пьесе, привозят очередной этап, то надзиратель Колодей сообщает о вновь прибывших как о некоем неживом грузе: «Четыре машины будет, пока одна пришла» [С. 258]. Более того, кормить их в этот день никто не собирается, потому что согласно сопроводительным документам эти заключенные «удовлетворены по восемнадцатое число включительно» [С. 277], а вот на работу их погонят обязательно: «Пусть проценты несут» [С. 258]. И неважно, что реального дела для них пока нет, – будут с места на место мусор переносить или рыть никому не нужную канаву; главное, чтобы начальство не увидело «простоя». Им даже бани не видать, потому что нет ни мыла, положенного арестантам, ни воды, но, с точки зрения администрации, так даже лучше, меньше хлопот, а то, что люди вторую неделю не мылись, – это пустяки, хватит и сухой «прожарки».

Со второй картины первого действия драма «Республика труда» начинает напоминать ставшие в семидесятые годы модными производственные пьесы, но с обратным знаком. Автор так же, как впоследствии И. Дворецкий, А. Мишарин, Г. Бокарев, А. Гребнев, А. Гельман и другие сочинители подобного рода произведений, много внимания уделяет «производственным» вопросам (в каких условиях работают люди? что мешает работе? какова эффективность их труда? каково его качество? и т. д.). Однако необходимо помнить, что все эти проблемы рассматриваются А.И. Солженицыным через категорию подневольности труда, ведь эта работа – существенная часть мира каторги.

Труд в лагере, как правило, не приносит человеку ни радости, ни удовлетворения, хотя время от времени позволяет забыть на какое-то время о своем положении. Иногда заключенному даже удается поработать на себя, втайне от начальства, как, например, литейщикам, делающим «налево» всякий ширпотреб. Но и в этом случае эзков ждет разочарование, ведь «вольняшка» Фролов, выносящий товар из зоны, постоянно обманывает их при расчете.

Обман и насилие вообще являются альфой и омегой, составляют основу отношений в зоне. В работе же к ним прибавляются неорганизованность, бестолковость, мелкие склоки, некомпетентность, даже безграмотность начальства, особенно ярко запечатленные драматургом в картине шестой второго действия. Оказывается, что ни планировать, ни проектировать толком не умеют: то требуют полы деревянными сделать, то бетонными, а ведь работа с деревом уже частично закончена и ее необходимо не только как-то оформить, но и оплатить. В картине восьмой третьего действия бригаде Гая приказывают ломать почти достроенную стену, потому что десятник ошибся. И все это за счет работяг, труд которых не ценится, превращается в бессмыслицу: «Вы знаете, за три года по нарядам проверили: мы отнесли строительного мусора объема больше, чем все это здание!» [С. 318–319]. Эту фразу бросает старший прораб, следовательно, начальство знает обо всем, но не стремится менять такое абсурдное положение. Расплачиваются же за все заключенные, которым уменьшают пайку: «Доходят люди. Это целый день с носилками, придут в лагерь, навару капустного похлебают – и ложись» [С. 303].

Выясняется, что начальство приказывает бухгалтерам урезать наряды и расценки, а бригадиры-зэки в ответ норовят написать «тухту», то есть вранье в отчетах по работам. Более того, начальство всячески притесняет каторжан, не разрешая получить посылку из дома, если не выполнено сто двадцать процентов нормы, не дает свиданий с родными и творит всяческий произвол.

Даже творческий подход к делу оборачивается для заключенных еще более тяжким ярмом. Когда литейщики по собственному почину построили печь для плавки бронзы, оказалось, что не только обещанной премии им никто давать не собирается, не только слава изобретателей достанется бездарному начальству, но и работать придется еще больше, вечерами и даже в праздничные дни: «Чтоб через три дня чугунная плавка была! Причем тут бронза? Привыкли лоботрясничать. Не успевает Макар за день? – пусть вечерами формует, пусть на праздники. Я ему дополнительный конвой закажу» [С. 338].

Доминантой существования заключенного является страх. Зэк боится любого начальства, даже своего бригадира: «Спаси нас, Боже, от такого бригадира! «Горой за работягу» – а сегодня, видели? – свалил работягу и ногами бил» [С. 276]. Боится отправки на северный этап: «Это еще – не завезли. Где картошка в поле растет – это еще лагерь считается *ближний*. Тут железная дорога близко, сюда – посылки круглый год и на свидания приезжают. Подожди, в Норильск отправят – там навигация полгода, закон» [С. 273]. Боится лесоповала: «У нас там санчасти нет... У нас без врача как-то и не болеют. Жив-жив, потом смотришь – помер. Без хлопот» [С. 289]. Боится зимы и общих работ: «Как задует буран, да землю эту скованную без рукавичек ломом долбать... Нет» [С. 308]. Боится голода: «...как говорится, если работяга в ложке нуждается – это еще лагерь хороший. Доходиловка – когда миску пьют через бортик» [С. 277]; «...вместо хлеба зерно выдавали. Смешаешь со снегом – вот и суп» [С. 286]. Боится общих работ: «Общие – это смерть!» [С. 287].

Бытие лагерника, по сути, сводится к постоянному балансированию на грани: на грани совести и подлости, верности и предательства, чести и бесче-

ствия, сохранения человеческого облика и превращения в доходягу, собирающего отбросы, наконец, на грани жизни и смерти. И неудивительно, что людей порою охватывает отчаяние: «...как тут дожить? Как вообще тут можно – жить?!» [С. 272]; «Я тянулся – попасть в милость. Поманили меня какой-то иллюзией погоню, и я пошел. С такой высокой лестницы скатился, а на последней ступеньке хотел удержаться. Гнуть других, только б не гнуться самому» [С. 213]. «Что с моей головой? Я в каком-то злом сне... Зачем я полез в начальники? <...> Какой-то гадливый ужас – чтобы только самому не попасть на общие... Но начальником здесь быть – еще хуже смерти...» [С. 287]; «Нет уж, остаток срока пусть мне пахан сухим пайком выдает! <...> Девять грамм» [С. 336]. Такое перманентное пороговое состояние, подспудно, но неотвратимо требующее от человека выбора, в итоге заставляет его задуматься о смысле и содержании прожитой жизни, повернуться от быта к самому бытию. Главный герой драмы сделал свой выбор – выбор в пользу внутренней свободы и заново обрел способность любить: «С тех пор как я арестован, – я как в черном дыму, я улыбаться перестал. А с тобой мне так хорошо стало, будто ты меня освободила! На волю выпустила!» [С. 329].

Казалось бы, финал пьесы ставит под сомнение саму возможность существования в неволе такого хрупкого человеческого чувства, как любовь, ведь возлюбленная Нержина в заключительной мизансцене идет к всемогущему врачу зоны, неоднократно предлагавшему ей сожительство. Однако следует отметить, что истинные мотивы ее поступка неизвестны: то ли она отчаялась и сдалась, то ли такой шаг видится ей единственной реальной возможностью помочь Глебу, попавшему в санчасть с тяжелой травмой. Самому автору как гуманисту и продолжателю русской классической литературной традиции, вероятнее всего, важнее было не просто рассказать историю любви своих героев со счастливой или несчастливой развязкой, но утвердить систему истинных ценностей, которую человек способен сохранить в своей душе даже в самых нечеловеческих условиях. И любовь в этой системе для А.И. Солженицына имеет явно не второстепенное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко, В. Александр Солженицын как русское явление [Текст]. – М., 2003. – 112 с.
2. Бушин, В.С. Неизвестный Солженицын [Текст]. – М. : Эксмо Алгоритм, 2009. – 560 с.
3. Герасимова, Л.Е. Этюды о Солженицыне [Текст]. – Саратов : Новый ветер, 2007. – 130 с.
4. Муромский, В.П. О драматургии А.И. Солженицына [Текст] // Вестник Волгоградского университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. – 2006. – № 5.
5. Сарнов, Б.М. Феномен Солженицына [Текст]. – М. : Эксмо, 2012. – 848 с.
6. Солженицын, А.И. Пьесы [Текст]. – М. : Новый мир, 1990. – 416 с.

7. Урманов, А.В. Солженицын [Текст] : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 384 с.

8. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын: жизнь и творчество [Текст]. – М. : Просвещение, 1994. – 287 с.

S.N. Motorin

**LIFE IN A PRISON CAMP
IN A.I. SOLZHENITSYN'S PLAY «THE REPUBLIC OF LABOR»**

The article treats A.I. Solzhenitsyn's drama works and briefly reviews the writer's dramatic heritage («The Feast of Victors», «Prisoners», «The Republic of Labor», «Tanks Know the Truth», «The Light Which is in Thee», «The Parasite»). The article centers on the play «The Republic of Labor». The author analyzes social and philosophical problems raised in the play, its literary characteristics, its architectonics, its system of characters, etc. to comprehensively understand major tendencies of A.I. Solzhenitsyn's literary style. The article closely analyzes the dramatic descriptions of the inner world of a person whose life is unsettled.

dramaturgy, play, drama, comedy, tragedy, character, hero, artistic image, remark, action, plot, conflict, cue, scene, motive, monologue, dialogue, mise-en-scène, life, landscape, interior, portrait, prison camp, prisoner, fear, abuse, labor, absurdity.